

ЖИЗНЬ И СУДЬБА РОВЕСНИКА ВЕКА

К столетию со дня рождения Н. Ф. Орлова (1900–1975)

В 2000 году Ростовская консерватория отметила 100-летний юбилей Николая Федоровича Орлова, чье имя прочно вошло в историю Ростовской консерватории (с 1967 по 1992 – музыкально-педагогический институт): первый заведующий кафедрой истории музыки (1967–1974), первый проректор по научной работе (1973–1976).

Жизнь бросала его по огромной стране – от Винницы до Средней Азии, от Дальнего Востока до Минска. За пятьдесят пять лет трудового стажа он работал в двенадцати учебных заведениях, в двух из них – с большими перерывами – дважды, и нигде не задерживался дольше шести лет. Ростовские «восемь с половиной» – последний, самый продолжительный и, кажется, самый спокойный период его жизни. По крайней мере, никаких происшествий не случилось, на его голову не обрушивались удары судьбы. Чего не скажешь о предшествующих десятилетиях.

Это – не научная биография (таковая должна быть документирована куда более основательно, с опорой на архивы разных мест службы, министерств культуры бывшего СССР и союзных республик, ВАКа и т. п.) и не мемуары, хотя толика того и другого в нижеследующем тексте присутствует. Дефицит источников я позволил себе восполнить некоторыми умозаключениями и гипотезами.

«Два» Орлова, «три» биографии

Начинал я обдумывать эти заметки, смущенный тем обстоятельством, что образ Николая Федоровича в моем сознании двоится. Один Орлов, увиденный впервые глазами девятнадцатилетнего юнца, – высоченный седовласый старец, небожитель, скорее доброжелательный, чем наоборот, но суховатый, ни с кем не вступающий в тесный сердечный контакт. Кроме того, много лет носил я в душе на него обиду.

...Студентом первого или второго курса в кругу приятелей я как-то высказал неодобрительное суждение о комсомоле. Дескать, организация эта себя изжила, чем занимается, непонятно. (Поясню: от диссидентских настроений я был страшно далек, дальше, чем декабристы от народа. По своим политическим представлениям я тогдашний – позднее дитя «оттепели», вскормленное на идеалах XX съезда: очищение социализма от скверны позднейших искажений, возвращение к ленинским нормам... А на дворе уже потрескивал «заморозками» конец 60-х.) Чуть ли не на следующий день, на той же лестничной площадке я был подвергнут Николаем Федоровичем мерам воспитательного воздействия (кто-то из приятелей, стало быть, добросовестно и оперативно «настучал»). В кратком, но энергичном монологе была разъяснена истинная роль ВЛКСМ, который... Далее следовало нечто ультрасоветское, газетное...

Может быть, «обида» сказано слишком сильно. Так... заноза. Словом, саднило и потому осталось в памяти.

Образ другого Орлова стал складываться спустя тридцать с лишним лет, когда разница в возрасте между нами сократилась, и когда я познакомился с хранящимися в архиве консерватории двумя папками-скоросшивателями, какие, кажется, и сейчас, в эру компьютеров, заведены на каждого из нас в отделах кадров. Наши бумажные двойники, свидетели обвинения и защиты, вечные спутники. Так называемые личные дела. Первая папочка – минского происхождения, вторая – ростовского. Где находится личный архив – неведомо (через несколько лет после кончины Орлова его вдова Эмма Богдановна уехала из Ростова). Не уверен, что таковой вообще существовал – по причинам, о которых ниже.

Если не считать рукописных и печатных работ, которые в целости и сохранности содержатся в консерваторской библиотеке, а также воспоминаний младших коллег и учеников, в основном, устных¹, два этих «личных дела» – единственное, чем сегодня располагает ростовский биограф. Итак, лишь официальные документы. Казенные, для кадровиков, автобиографии – в последующих своих рассуждениях буду опираться преимущественно на них. Анкеты – «Личные листки по учету кадров»; более ранний, заполнявшийся в 1954 году еще содержит *те самые* графы: служили ли в войсках или учреждениях белых правительств, были ли на оккупированной территории. Приказы, выписки из протоколов, справки.

Но за ними, сквозь них угадываются сильнейшие потрясения, большие страсти, читается драма жизни – от юности, совпавшей с Первой мировой, революцией, Гражданской войной, до внезапной смерти ледяным январем на скользкой ростовской улице за одиннадцать дней до 76-летия.

Для удобства повествования я условно разделяю, расплетаю канву жизни Орлова на три нити, как бы на три биографии: научно-педагогическую, гражданскую, частную. В каждой из них – свои коллизии, свои тайны, свой, как говорят англичане, «скелет в шкафу».

Карьера музыковеда: взлеты и падения

Музыковедческого образования Николай Федорович не получил: система такового сложилась в СССР, когда он уже вел педагогическую деятельность. В 1915 году Орлов поступил на фортепианное отделение Московского филармонического училища² и в «незабываемом 1919-м» окончил его. С 1920 по 1922 годы Николай Федорович работал в Одесской музыкальной академии³, а затем в музыкальных техникумах Винницы (1922–1928) и Саратова (1928–1934). В двух последних становится, соответственно, директором и завучем. Как видно, административные склонности обнаружились и были востребованы рано: первый руководящий пост Орлов занял в двадцать шесть лет. В Саратове, не оставляя класс фортепиано, он стал вести курс истории музыки. Отныне до конца своих дней – без малого полвека – он посвятит свою жизнь этой науке и учебной дисциплине.

В предвоенные и военные годы Орлов работал в Ташкенте преподавателем и завучем детской музыкальной школы, а с 1939 по 1945 год – в консерватории. Ташкентское восьмилетие – пора удач, пора взятия важных рубежей. Здесь многое для Николая Федоровича впервые: первая в его жизни консерватория, первые руководящие посты в крупном вузе (заведующий кафедрой, заместитель директора по учебной и научной работе). Здесь, в столице Узбекистана, куда во время войны была эвакуирована Ленинградская консерватория, он защитил кандидатскую диссертацию («„Дон Жуан“ Моцарта»); здесь получил звание доцента и занял должность профессора. Здесь впервые оказался в среде выдающихся, известных на всю страну творческих фигур: в годы войны в Ташкенте находились композиторы М. Штейнберг, С. Василенко, Б. Арапов, А. Козловский, теоретики Ю. Тюлин, Х. Кушнарев, выступали оркестры под управлением К. Зандерлинга,

---

¹ Из ростовчан свои воспоминания записала и опубликовала только одна из его студенток: *Кольвах Л.* Воплощение рыцарства (Н. Ф. Орлов) // Музыкальная педагогика в идеях и лицах. Ростов н/Д, 1992.

² Здесь и далее названия даются по тексту автобиографий. По-видимому, имеется в виду Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества. Многие годы спустя Министерство высшего образования СССР специальной справкой подтвердит фактический вузовский статус училища и, тем самым, наличие у Орлова высшего музыкального образования.

³ По сведениям, приводимым Музыкальной энциклопедией, в Одессе в 1913 году была основана консерватория, в 1923 преобразованная в Музыкальный институт (далее, в 1926 – в Музыкально-драматический институт, в 1934 – вновь в консерваторию).

Н. Рабиновича, И. Мусина, давали концерты С. Фейнберг, А. Гольденвейзер, Э. Гилельс, П. Серебряков, Р. Тамаркина, Д. Шафран. Пребывание в таком окружении важно для музыканта не менее чем, к примеру, работа над диссертацией.

Кандидатом наук Орлов стал в сорок три года. По нынешним меркам, поздно. Примем, однако, во внимание, что, во-первых, в те времена мерки были иные, акселерации еще не наблюдалось. Во-вторых, простой арифметический подсчет показывает, что в наши дни путь музыковеда к первой научной степени занимает не менее тринадцати-пятнадцати лет: четыре года в училище, пять – в консерватории, три-четыре – в аспирантуре, один-два года уходит на разного рода проволочки. У Орлова этот путь был не длиннее, если вести отсчет от начала преподавания истории музыки (конец 20-х – начало 30-х годов), но и не легче: профессией приходилось овладевать «на ходу», возможно, без посторонней помощи, во всяком случае, без помощи систематической и системной. Отсюда следует, что *Орлов-музыковед «сделал себя сам»*. И сделал быстро.

Предпосылками к тому были, вероятно, и домашнее воспитание, и владение тремя европейскими языками (в анкете он пишет: «немецким – хорошо, французским и английским – плохо»), но таковы графы документа; немецким он владел в совершенстве), и широкое гуманитарное образование, полученное, в частности, на юридическом факультете Московского университета, откуда он выбыл по собственному желанию, будучи студентом третьего курса. Заслуживает специального упоминания тот факт, что юному Орлову хватало времени и энергии учиться в двух учебных заведениях параллельно: сначала в последнем классе реального училища и в училище музыкально-драматическом, затем – в нем и в университете. Оставить последний пришлось, скорее всего, в силу необходимости начинать самостоятельную трудовую деятельность и притом – за пределами Москвы.

Следующий шаг в профессиональном восхождении Орлов совершает тоже быстро – уже не в относительном, а в абсолютном измерении. Всего пять лет проходит между защитой кандидатской диссертации и докторской – «Оперы Моцарта». Но с нею связан и один из самых мрачных эпизодов в судьбе ученого. Минская папка: «В 1948 г. я защищал при Московск<ой> к<онсервато>рии докторскую диссертацию, которую решением Высш<ей> Аттестац<ионной> Комиссии от 11.III.1950 мне было предложено переработать и защитить повторно».

Что было причиной отклонения диссертации? Действительная ли некондиционность работы? Происки недоброжелателей (подметные письма в ВАК – практика довольно распространенная)? Развертывание кампании «борьбы с низкопоклонством перед Западом», под нож которой могла попасть и тема, посвященная Моцарту?⁴ Почему ВАКу понадобилось так много времени на размышления? Ответов мы не знаем. Не требуется, однако, слишком развитого воображения, чтобы представить себе всю меру горечи той чаши, которую довелось испить Орлову тогда и позднее. О глубине потрясения выразительно свидетельствует малозаметная деталь: в приведенной выше цитате Николай Федорович единственный раз не ограничивается указанием года и месяца, проставляет точную дату. Показательно по-своему и неупоминание этой истории в ростовской папке. Тут видится не сокрытие истины, а нежелание вспоминать. Но это как раз и говорит о том, что событие помнилось – болезненно и крепко – всю жизнь.

Доработка диссертации затянулась на долгие полтора десятка лет, в течение которых Орлов работал в консерваториях Уральской – директором и заведующим кафедрой истории

---

⁴ Невольно приходит в голову анекдотическая ассоциация с одним эпизодом из фильма Н. Михалкова «Сибирский цирюльник». «Он русский? Это многое объясняет, – произносит ставшую крылатой фразу сержант американской армии. – А Моцарт тоже русский?» Будь ответ на этот вопрос положительным, Орлов, возможно, получил бы докторскую степень.

музыки (1945–1949), Московской – доцентом возглавляемой Р. Грубером кафедры истории зарубежной музыки (1949–1950), Алма-Атинской – заместителем директора и заведующим кафедрой (1952–1954), Белорусской – в тех же должностях (1954–1956). Затем он вновь в Ташкенте, где, как и в 40-е годы, заведует кафедрой (1960–1966), и вновь в Алма-Ате, где консерватория к тому времени была преобразована в Институт искусств и где он становится деканом (1966–1967). Именно во время своего «второго пришествия» в Ташкент, в 1964 году, на седьмом десятке лет, ученый поставил последнюю точку в капитальном труде (объемистый, пятисотстраничный фолиант хранится в библиотеке Ростовской консерватории).

Повторная защита так и не состоялась. Возможно, сыграл свою роль выход в свет в 1963 году книги Е. Черной «Моцарт и австрийский музыкальный театр»; наверняка были и другие причины, о которых я не знаю. Между тем, монография Орлова и сегодня представляет определенный научный интерес, особенно в разделах, посвященных творчеству юного Моцарта, обращавшегося к жанру оперы-серия. В свое же время, в 50-е, в начале 60-х, когда еще не были переведены на русский язык труды Г. Аберта и А. Эйнштейна, не был издан целиком «Моцарт» Г. Чичерина, работа Орлова могла бы существенно пополнить небогатую отечественную моцартиану. Не случилось.

В то же время приведенный послужной список показывает: «осечка» с защитой отнюдь не поставила крест на административной и педагогической карьере Орлова, не уронила его авторитета в глазах музыкальной общественности, а его самого не превратила в мизантропа. Неудача эта не помешала А. Свешникову пригласить Николая Федоровича на работу в Московскую консерваторию. Другое дело, что самим фактом возникновения вакансии и своего приглашения он был обязан драматическим для всей советской музыки событиям, вошедшим в историю под символическим названием «сорок восьмой год», когда, как известно, были ошельмованы и изгнаны из главного музыкального вуза страны многие замечательные музыканты (в частности, А. Свешников сел в директорское кресло еще не остывшее после В. Шебалина).

Возвращение в столицу, в город детства и юности, в город, где похоронены родители, приход на самое для музыканта-педагога престижное в стране место работы оказался слишком кратким. Но рассказ о том, при каких обстоятельствах он спешно покинул Москву, следует отнести уже не к профессиональной судьбе музыковеда, а к судьбе гражданина, чьи молодость и зрелость пришлись на эпоху «советского средневековья».

Судьба гражданина: тюрьма и воля

Читая «минскую» автобиографию, не сразу замечаешь хронологический пробел. Тогда, в 1954 году, Орлов умолчал о том, о чем решил рассказать в 1967, в Ростове: «В декабре 1934 г. я был арестован органами НКВД и осужден Особым Совещанием по ст. 58 п. 10 УК РСФСР сроком на 3 года исправ<ительно>-труд<овых> лагерей. Наказание отбывал на Дальнем Востоке в г. Свободном (да здравствует советская топонимика, самая издевательская в мире! – А.С.) и в ноябре 1936 г. был досрочно освобожден». Скостили более трети срока! Очевидно, сидел совсем уж ни за что.

Освежить в памяти знаменитую «пятьдесят восьмую» поможет нам непререкаемый авторитет в этой области – А. Солженицын. В «Архипелаге ГУЛАГ» он посвящает этой статье «сталинского» Уголовного кодекса несколько страниц. Не могу удержаться, чтобы не сделать несколько выписок.

В разные годы у карательных органов были в особой чести разные статьи, дававшие соответствующие категории репрессированных. Писатель называет их «потоками». Но более двадцати пяти лет – с 1926, когда кодекс был принят, до смерти вождя – самой популярной была 58-я статья, а в ней – 10-й пункт – «он же КРА

(КонрРеволюционная Агитация), он же АСА (АнтиСоветская Агитация). Поток Десятого Пункта – пожалуй, самый устойчивый из всех – не пресекался вообще никогда, а во времена других великих потоков, как тридцать седьмого, сорок пятого или сорок девятого годов, набухал особенно полноводно. <...>

Парадоксально: всей многолетней деятельности всепроникающих и вечно бодрствующих Органов дала силу всего-навсего одна статья из ста сорока восьми <...> Но в похвалу этой статье можно найти еще больше эпитетов, чем когда-то Тургенев подобрал для русского языка или Некрасов для Матушки-Руси: великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая. <...>

Воистину, нет такого поступка, помысла, действия или бездействия под небесами, которые не могли бы быть покараны тяжелой дланью Пятьдесят Восьмой статьи».

Состояла она из четырнадцати пунктов.

«Но никакой другой пункт 58-й статьи не толковался так расширительно... как Десятый. Звучание его было: „Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти... а равно и распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания“. И оговаривал этот пункт в *мирное* время только *нижний* предел наказания (не ниже! не слишком мягко!), верхний же не ограничивался!

Таково было бесстрашие великой Державы перед словом подданного.

Знаменитые расширения этого знаменитого пункта были:

– под „агитацией, содержащей призыв“, могла пониматься дружеская (или даже супружеская) беседа с глазу на глаз или частное письмо; а *призывом* мог быть личный совет. <...>

– „подрывом и ослаблением“ власти была всякая мысль, не совпадающая или не поднимающаяся по накалу до мыслей сегодняшней газеты. Ведь ослабляет всё то, что не усиляет! Ведь подрывает всё то, что не полностью совпадает!

– под „изготовлением литературы“ понималось всякое написание в единственном экземпляре письма, записи, интимного дневника.

Расширенный так счастливо – какую *мысль*, задуманную, произнесенную или записанную, не охватывал Десятый пункт?»⁵

Что же могло стать поводом для ареста? Всё что угодно: например, письмо, или оставшееся с юности (из родительской библиотеки) печатное издание, или немецкие родовые корни⁶, или, наконец, неосторожно сказанное слово. Мало ли что могло слететь с языка 34-летнего образованного и мыслящего человека в декабрьские дни 1934-го, когда полноводной рекой, сначала из Ленинграда, а потом со всей страны, уже лился «кировский поток» (лидер питерских коммунистов был убит 1 декабря)!

Тут меня осенило: тогда, на лестничной площадке, Орлов меня – *спасал!* Член партбюро института, он взял на себя ответственность разобраться с юным болтуном самостоятельно, не давая делу дальнейшего хода. Но дело можно было и раздуть – в назидание другим и для демонстрации собственной партийной принципиальности и бдительности. Последующий разворот сюжета предугадать нетрудно: исключение из раскритикованного мною комсомола, автоматически – вылет из института, призыв в армию... Судьба моя могла сложиться совсем иначе.

На арест Орлова можно посмотреть и как на... везение. Случился он не в самые людоедские времена, потому и срок был – на фоне будущих «десяток» и «четвериков» – гуманным, и освободили досрочно. Николай Федорович остался на свободе в тридцать седьмом, потом в сорок седьмом – сорок восьмом, когда брали «повторников», вина которых перед Родиной состояла в том, что они уже однажды «сидели».

Но тридцать четвертый аукнулся Орлову в пятьдесят втором, во время очередной «зачистки» Москвы. Тут в автобиографиях имеются разночтения. В минской папке читаем:

⁵ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918 – 1956. Опыт художественного исследования. Ч. I–II. Вермонт–Париж, 1989. С. 34–35, 67, 73–74.

⁶ О них, как об известном факте, говорила знавшая Орлова много лет Л. Я. Хинчин, утверждая, что его подлинная фамилия – Адлер (с немецкого – орел). О том же пишет в своих воспоминаниях Л. Кольвах. В легенду охотно верили, находя ей подтверждение в «арийских» чертах лица, в свободном владении языком. Никаких документальных свидетельств на сей счет в «личных делах», разумеется, нет.

«С августа 1950 г. я был вынужден покинуть Москву и работать (до февраля 1952 г.) преподавателем Рязанского музыкального училища». (Кстати сказать, там у него училась В. Н. Холопова). А в «ростовской» Рязань не упомянута, дата указана другая. Здесь говорится: «В 1952 г. органы милиции предложили мне в 10-дневн<ый> срок выехать из Москвы как имевшему в прошлом не снятую судимость. Все мои заявления в органы КГБ⁷ о снятии судимости были безрезультатными».

Амнистировали Николая Федоровича год спустя, в марте 1953-го, вскоре после смерти Сталина.

В разговорах с учениками и коллегами ни с кем и никогда этой темы Николай Федорович не касался. Досрочно освобожденный, освобожден ли он когда-нибудь от страха? Человек выходит из тюрьмы, но тюрьма поселяется в человеке надолго, если не навсегда⁸.

В 1965 году Орлов стал членом КПСС. Но перед этим он пережил еще одну репрессивную акцию. Не судебную – всего лишь партийно-административную. Наказанию он был подвергнут за... дела семейные.

Частная жизнь: сильнее страха только любовь

Люди, выросшие в послесталинские, по слову А. Ахматовой, вегетарианские времена, читая антиутопии Замятина или Оруэлла, могут воспринимать многие вещи как художественное преувеличение, как обусловленную жанром гиперболичность изображения. Если присутствие всевидящего державного ока в интимном бытии человека и не было постоянным, то оно, око, во всяком случае, к этому стремилось. Такова природа и суть тоталитаризма: устанавливать правила во всех областях жизни, контролировать их исполнение и карать за неисполнение всегда, везде. И никаких гвоздей!

В ростовской папке говорится следующее: «В 1960 г. ввиду развода моего с моей б<ывшей> женой А. И. Орловой и ее смерти, парт<ийные> орг<аниза>ции Новосибирска сочли невозможным мое дальнейшее пребывание на посту директора консерватории, и Мин<истерством> Культуры РСФСР я был освобожден от этой работы». На следующей странице: «С 1958 г. женат на Э. Б. Орловой, ст<аршем> преподавателе кафедры общего ф<ортепиа>но <...>». Орлов пишет эти сухие строки через несколько лет после событий, но глубокое душевное волнение прорывается в некоторой стилистической шероховатости изложения («развода моего с моей бывшей женой»), немислимого, как правило, ни в каких других текстах, вышедших из-под его пера.

Как явствует из скурых фактов, конец 50-х годов – время бурного течения жизни Орлова. Руководство нарождающимся вузом, любовный роман, расставание с семьей, новый брак, кончина первой жены, снятие с работы... Воображение рисует унизительные разбирательства, скорее всего, сначала на партбюро консерватории, потом на бюро райкома, необходимость что-то объяснять, оправдываться. Между преступлением и наказанием прошло около двух лет: то ли разбирательство тянулось так долго, то ли началось не сразу. Возможно, карательная машина заработала не после *развода*, а после *смерти* бывшей супруги, и он объявлялся виновным не только в «разрушении советской семьи, ячейки общества» – в гибели человека. Так или иначе, партбюро возглавляемого Орловым вуза

⁷ Ошибка памяти: с 1946 по 1953 год соответствующее ведомство именовалось МГБ; Комитетом государственной безопасности оно стало называться с 1954 года.

⁸ Зная это, помня о бесконечных скитаниях Орлова, стоит ли удивляться сверхаскетичности его ростовского быта? Минимум вещей; ничего громоздкого, кроме книжных стеллажей; стерильная чистота, как в операционной. Отсюда и исходит догадка об отсутствии (или почти полном отсутствии) личных бумаг. «Не надо заводить архива», но не по причинам, названным Б. Пастернаком, а потому, что, во-первых, он может свидетельствовать против своего владельца, во-вторых, чтобы по-военному быть готовым в любой момент сняться с места. Впрочем, как знать? – Пастернак мог иметь в виду и это тоже...

голосует за снятие тогда еще беспартийного ректора с работы. Л. Кольвах в своих воспоминаниях приводит высказывание Л. Хинчин: «Таких рыцарей, как Орлов, сегодня нет. <...> Только он мог во имя любимой женщины поставить на карту карьеру, партбилет и свое будущее». Относительно партбилета – ошибка, он появился позже, остальное – святая правда, разве что выраженная со свойственной Лии Яковлевне категоричностью.

Действительно, любовь оказалась сильнее любых практических соображений, сильнее страха. А ведь молодость осталась далеко позади: Николаю Федоровичу было пятьдесят восемь, его новой жене – сорок два. Впереди маячила неизвестность, судьба могла забросить, как то уже случалось, куда-нибудь вроде Рязанского музучилища. Но тут, второй раз в жизни (первый – после освобождения из лагеря), брошенному на колени Орлову руку помощи протянул Ташкент. Здесь он, возможно, и окончил бы свой путь, если бы не землетрясение 1966 года, вновь согнавшее с насиженного места.

Еще одна драма, окутанная тайной, приоткрывается из сопоставления заключительных фрагментов обеих автобиографий.

Минская папка: «Дочь, чл<ен> ВЛКСМ, студентка консерватории; сын – инструктор физкультуры спорт<ивного> о-<бщест>ва «Локомотив» (Москва), кандидат в члены КПСС».

Ростовская папка: «Детей ни от первого, ни от второго брака не имею».

Насколько мне известно, на эту тему Орловым также было наложено табу. Для комментариев нет никаких документальных данных. Можно лишь выдвигать предположения. Первое: дети не простили Орлову смерти матери, считая (как и партийные инстанции) его повинным в этом, категорически разорвали с ним всякие отношения, «отрезали» его от себя. Второе: это были дети его первой жены, но усыновленные им, коль скоро он указывает их в официальном документе. Ясно одно: должно было произойти нечто ужасное, чтобы после первой из процитированных записей появилась вторая...

Можно с уверенностью предположить и третье: психологические травмы во всех сферах жизни сделали его таким, каким мы видели его в последние годы. Научили смотреть на происходящее несколько отстраненно, соблюдать дистанцию в общении, стараться ничего не принимать слишком близко к сердцу. Или делать вид... В качестве защитной реакции психики – более чем понятно.

И тогда образ Николая Федоровича Орлова в моем сознании перестал двоиться. Всё соединилось и приобрело резкость очертаний.

Музыкальная академия. 2002. № 3.